

## ПЕРЕДНИЙ ВОСТОК И АНТИЧНОСТЬ (СТРАНЫ РЕЧНЫХ КУЛЬТУР (ДВУРЕЧЬЕ И ЕГИПЕТ) В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКУЮ И РИМСКУЮ ЭПОХИ) \*

Академик А. И. Тюменев

Согласно распространенной концепции, рассматривающей древневосточные общества как общества «раннерабовладельческие», а области античной культуры — как области с более развитой системой рабовладения, эллинистическая эпоха определяется как время распространения в странах древнего Востока более «развитых» рабовладельческих отношений и как этап, способствовавший переходу этих стран на высшую ступень рабовладения<sup>1</sup>. Остановимся на этом вопросе специально и посмотрим, в какой мере и насколько глубоко проникли античные формы рабовладения в экономическую жизнь древневосточных культурных стран — области Двуречья и Египта.

Прежде всего сомнительно, чтобы античное рабство, которое в самом эллинском мире находилось в состоянии полного разложения и представляло способ производства, уже обреченный и сходящий на нет<sup>2</sup>, могло сыграть прогрессивную роль в развитии стран древнего Востока. Если в жизни отсталых стран Передней Азии эллинское влияние и античные формы рабства могли иметь известное прогрессивное значение<sup>3</sup>, то

\* Начало статьи см. «Вопросы истории», 1957, № 6.

<sup>1</sup> Более последовательно такая точка зрения была развита в книге А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль. М.-Л. 1950, стр. 336 и сл., ср. стр. 16, 31. Происходившая в июне 1953 г. дискуссия о проблеме эллинизма (см. отчет об этой дискуссии в журнале «Советская археология», т. XXII, 1955, стр. 99—124) показала, что многие советские историки идут еще дальше и склонны распространять этот термин на всю всемирную историю. Эллинизм рассматривается этими историками уже не только как этап в истории Переднего Востока, но и более того, они считают эллинизм «наиболее типичным периодом или этапом всемирной истории, который характеризуется как время наивысшего распространения развитых рабовладельческих отношений» (там же, стр. 117). Бесспорно, рабовладельческая формация проходила у всех народов стадии как начального, так и наиболее полного развития, однако из этого вовсе не следует, что соответствующие периоды в жизни отдельных народов должны были протекать в одних и тех же формах и в одно и то же время.

<sup>2</sup> В III—II вв. до н. э. Греция переживала состояние растущего экономического упадка, о чем свидетельствуют такие факты, как сокращение числа занятых в промышленности рабов и быстрый рост процента доморожденных рабов (см. W. Westerman. The slave system of greek and roman antiquity. Philadelphia. 1955, p. 31—34, 137—138; J. Day. An economic history of Athens under roman domination. New York. 1942, pp. 24, 46—47). Еще сильнее общие симптомы упадка сказывались в римскую эпоху (см. О. В. Кудрявцев. Эллинские провинции Балканского полуострова. М. 1954, стр. 62 и сл.).

<sup>3</sup> Не следует преувеличивать влияния античности и для восточных областей Малой Азии. Н. В. Пигулевская, более осторожно подходящая к этому вопросу, приписывает чрезмерную оценку эллинского влияния тому факту, что до сих пор исследователи строили свои выводы почти исключительно на данных западных источников. Обильно привлекая в своей работе также и восточные источники, она дает такую оценку последствий греко-македонского завоевания восточных областей: «Социальное и экономическое развитие областей (Междуречья и Ирана) получило известный толчок, новые факторы оказали известное влияние, но оно не было ни глубоким, ни значительным... Уровень развития производительных сил и техники в основном оставался тот же» (Н. В. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье. М.-Л. 1956, стр. 27).

в отношении стран речных культур с более чем двухтысячелетней историей законен вопрос, почему античная форма рабства, которая на конечном этапе своего развития завела в тупик Грецию и Рим и вместе с тем закрыла выход из этого тупика, могла в какой-то степени играть в Египте и Двуречье противоположную роль, подготавливая и облегчая для них наступление более прогрессивной формации<sup>4</sup>.

В то же время такая точка зрения не выдерживает проверки фактами. Конечно, некоторое в общем не слишком значительное распространение рабства античного типа осложняло и модифицировало картину общественных отношений в странах древних речных культур, в какой мере, это могут показать только специальные исследования. Однако влияние этого обстоятельства не было ни настолько глубоким, ни настолько значительным, чтобы заметно отразиться на характере их базиса. Необходимо также иметь в виду и то, что и самая форма рабства военнопленных и покупных рабов вовсе не представляла какого-либо нового явления в жизни стран Востока и к началу эллинистической эпохи получила более широкое распространение как в Египте, так и в особенности в области южного Двуречья. Как уже отмечалось, в южном Двуречье частнохозяйственные отношения и вместе с тем частное рабовладение получили больше возможностей для своего развития уже со времени распада царского хозяйства в период третьей династии Ура. В нововавилонскую и персидскую эпохи рабство было уже здесь значительно развито, но не столько в области сельского хозяйства, в котором преобладающим способом эксплуатации земли была сдача в аренду, сколько главным образом в области ремесленного производства, причем эксплуатация рабского труда имела прежде всего своей целью, как и в античности, получение прибавочной стоимости<sup>5</sup>.

Одновременно с этим, как отмечалось выше, налицо были и своеобразные, более мягкие и, следовательно, более прогрессивные переходные формы использования рабского труда в промышленности, поскольку здесь уже преобладала система сдачи рабов в обучение ремеслу и предоставления таким обученным рабам известной самостоятельности. Эллинистическое влияние в Вавилонии не могло вносить поэтому чего-либо существенно нового и тем более играть ту прогрессивную роль, какая ему обычно приписывается<sup>6</sup>. В отличие от Египта в Вавилонии, и прежде всего в таких центрах, как Вавилон и Урук, кипела оживленная торговая и промышленная деятельность, на почве которой греческие и македонские иммигранты вступали в более тесные и постоянные отношения с местным населением<sup>7</sup>. Несмотря на такое общение с греками, города Вавилонии — Урук, Вавилон, Кута и другие — не переняли черт эллинского полиса, но сохранили свой характер храмовых городов. Подобно полисам эллинского типа, города Вавилонии пользовались, правда, самоуправлением. Но и в этом не было ничего нового. Право самоуправления представлялось вавилонским городам и в предшествовавшие ассирийскую и

<sup>4</sup> Конечно, и для этих стран влияние античности не прошло бесследно, поскольку, например, в Египте, как увидим, оно ускорило рост частного землевладения. Однако специфический характер их базиса этим влиянием затронут не был (см. ниже).

<sup>5</sup> Утверждение А. Б. Рановича, что при эллинизме на Востоке наблюдался «переход от примитивных форм рабства к рабовладельческой системе, целью которой является производство прибавочной стоимости», в отношении Вавилона во всяком случае лишено основания (А. Б. Ранович. Указ. соч., стр. 158).

<sup>6</sup> Эллинистическое влияние отразилось не столько на характере эксплуатации, сколько в факте окончательного устранения семейно-родовых отношений и пережитков. Со времени Селевкидов совершенно исчезла распространенная форма договоров об отчуждении имущества с упоминанием гарантий со стороны других членов семьи. Эта форма была заменена иной, более краткой формулой (см., например, E. W. Moore. *Neobabylonian business and administrative documents*. 1935, №№ 229, 234, 235, 239, 241, 246, 249).

<sup>7</sup> M. Rostovtzeff. *The social and economic history of the hellenistic World*. I. Oxford. 1941, p. 512—513.

новоавилонскую эпохи. Фактически этим правом пользовались прежде всего храмовое жречество и связанные с храмами зажиточные слои населения. Храмовые хозяйства еще существовали, но они выродились к этому времени в результате продажи и уступки доходных статей храма (бывших административных должностей) в своего рода центр коллектива жречества и более состоятельных слоев населения<sup>8</sup>. Храмовые города окружены были территорией, которую Селевкиды под видом дарения закрепили за ними. Земли эти по характеру их эксплуатации также ничем не напоминали городские земли при эллинистических полисах. В их состав входили храмовые, дворцовые и частновладельческие земли<sup>9</sup>. Главную рабочую силу в сельском хозяйстве Передней Азии, входившей в состав империи Селевкидов, составляли не рабы, но прежде всего, как и в Египте, местное население, так называемые *laoi basilikoi*. Что касается собственно Вавилонии, то прямых данных относительно эксплуатации труда в сельском хозяйстве от времени Селевкидов не сохранилось. Здесь, по всей вероятности, как и в предшествовавшие эпохи, преобладающей была система сдачи земли в аренду мелкими участками. В какой мере применялся для обработки земли труд рабов, за отсутствием данных решить не представляется возможным.

В Египте, где централизованная система государственного хозяйства в форме древневосточной деспотии была более устойчивой, установление власти Птолемеев не только не ослабило этой системы, а, напротив, способствовало ее упрочению и более последовательному и полному проведению. Птолемеи не только усвоили внешние формы восточной деспотии, но в основном и всю хозяйственную систему, причем никогда вмешательство государственной власти во все мелочи хозяйственной жизни не проводилось с такой последовательностью, как именно при Птолемеях.

Чтобы показать это, остановимся на системе государственного хозяйства при Птолемеях. Оросительные работы выполнялись, как и в доэллинистическое время, путем привлечения населения к трудовой повинности, причем труд людей, подлежащих этой повинности, тщательно учитывался, о чем свидетельствуют специальные документы эллинистической эпохи<sup>10</sup>. В принудительном порядке население привлекалось и на другие

<sup>8</sup> Г. Х. Саркисян. Самоуправляющийся город в селевкидской Вавилонии. «Вестник древней истории» («ВДИ»), 1952, № 1, стр. 68—83.

<sup>9</sup> Г. Х. Саркисян. О городской земле в селевкидской Вавилонии. «ВДИ», 1953, № 1, стр. 57—73.

<sup>10</sup> Brunet de Presle. Notices et extraits des manuscrits grecs de la bibliothèque impériale (далее P. Par). Paris. 1865—1866, № 66; U. Wilcken. Grundzüge und Chrestomathie der Papyrskunde. II, № 385; ср. Aegyptische Urkunden aus den königlichen Museen zu Berlin (далее BGU). I—IX, Berlin. 1895—1937, III, 1003; Papii greci e latini (Publicazioni della società Italiana) (далее PSI). I—XII. 1912—1953, № 577; F. Preisigke—F. Bilabel. Sammelbuch griechischer Urkunden aus Aegypten (далее SB). I—V, 1915—1950, № 6797. Участвовавшие в римскую эпоху случаи бегства и неадекватности населения на оросительные работы имели своим последствием запущенность оросительных сооружений уже в I в. н. э. (H. Braunert. *Idia. Studien zur Bevölkerungsgeschichte des Ptolemäischen und römischen Ägypten.* «Journal of Juristic papyrology», 1955—1956, IX—X, стр. 268). В проведении работ по орошению области Файюма (дофа Аполлония) были заняты «царские земледельцы». См. М. Rostovtzeff. *A large estate in Egypt in the third century* В. С. Madison. 1922, p. 59—60). В отдельных случаях в этих работах принимали участие также и военнопленные, или, быть может, точнее, заключенные (*desmotai*) (там же, стр. 162—163); С. Préaux. *L'économie royale des Lagides.* Bruxelles. 1939, p. 53 и сл. характеристике работ по орошению посвящена специальная глава в книге М. Schnebel. *Die Landwirtschaft im hellenistischen Aegypten.* I. 1925, S. 29—83; на русском языке очерк О. О. Крюгера «Сельскохозяйственное производство в эллинистическом Египте». «Известия ГАИМК». Вып. 108. М.-Л. 1935, стр. 20—33. Более сложные работы по проведению новых каналов и насыпей нередко производились по подряду и выполнялись при помощи наемного труда (М. М. Хвостов. *Общественные работы в эллинистическом Египте.* «Сборник статей в честь В. П. Бузескула». Харьков. 1914, стр. 430 и сл.).

работы: прежде всего на жатву<sup>11</sup>, затем на посадку деревьев<sup>12</sup>, на изготовление кирпича<sup>13</sup>, на строительство<sup>14</sup>. На оросительные работы население Египта привлекалось и позднее, в римскую эпоху. От римского времени сохранилось большое число квитанций на остраках — черепках — о выполнении этих работ<sup>15</sup>.

Принцип верховной собственности государства на землю проводился при Птолемах с не меньшей, если не с большей последовательностью, чем в фараоновском Египте. Все земли в принципе признавались государственными, причем большая часть их объявлялась «царской землей» (*ge basilike*) и обрабатывалась «царскими земледельцами» (*geogoi basilikoi*), составлявшими массу непосредственных производителей. В то же время и остальные земли, в том числе не только земли клерухов — военных поселенцев, — но и находившиеся в частном владении и пользовавшиеся (в частности, дарственные земли (*doreai*), раздававшиеся представителям высшей администрации) и даже храмовые земли рассматривались как «земли в отпуску», как «отпущенные земли» (*ge en aphesei*)<sup>16</sup>. В число «царских земель» входили все лучшие орошаемые земли (*ge en agete*); среди «отпущенных», напротив, встречались неорошаемые и малопродуктивные<sup>17</sup>.

«Царские земли» обрабатывались «царскими земледельцами» под постоянным наблюдением и контролем органов центральной власти. Но далеко не все «отпущенные земли» были избавлены от вмешательства государственной власти. Такому контролю подчинены были, например, даже дарственные земли. Еще более властно царская администрация вмешивалась в управление храмовыми землями. Во многих случаях сдача храмовых земель земледельцам производилась представителями царской администрации. Но и тогда, когда храмовой администрации предоставлялась известная самостоятельность, она все же должна была действовать под надзором царских чиновников и неслала ответственность за исправное поступление причитающейся государству доли урожая<sup>18</sup>. Вот почему непосредственные производители, работавшие как на «царских», так и на «отпущенных землях», обозначались прежде всего как «царские земледельцы»<sup>19</sup>.

<sup>11</sup> C. Préaux. *Les grecs en Egypte d'après les archives de Zenon*. Bruxelles, 1947, p. 54.

<sup>12</sup> M. Rostovtzeff. *The social and economic history of the hellenistic World*. I, p. 299.

<sup>13</sup> C. Préaux. Указ. соч., стр. 54.

<sup>14</sup> C. C. Edgar. *Zenon papyri (Catalogue générale des antiquités égyptiennes du Musée du Caire) № 59294; A. Swiderek. La société indigène en Egypte au III siècle avant notre ère. d'après les archives de Zenon. «Journal of juristic papyrology», 1955—1956, VII—VIII, p. 234.*

<sup>15</sup> D. Wilcken. *Griechische ostraca*. Leipzig und Berlin, 1899. Большое число таких квитанций-остраков приводится Вилькеном в его названной выше хрестоматии, см. также R. Taubenschlag. *The law of greco-roman Egypt in the light of the papyri*. Warsaw, 1955, p. 619, прим. 44.

<sup>16</sup> См., например, В. Р. Grenfell, A. S. Hunt, I. G. Smyly. *The Tebtunis papyri* (далее P. Tebt), 1907—1938, I—III, 5, стк. 110 и сл.: *ten idiokteton kai ten hieran kai ten kleruchiken kai ten allen en aphesei*. Ср. тот же папирус, стк. 36 и сл., 89 и сл., 200 и сл.; также P. Tebt., 63, стк. 2; 27, стк. 55, где «царская земля» противопоставляется «отпущенной земле». В относящихся к более раннему времени папирусах, например, в P. Tebt., 705, стк. 6 (209 г. до н. э.) *ge en dorea* указывается отдельно от *ge en aphesei* (см. M. Rostovtzeff *The social and economic history...* I, p. 276, прим. 87; т. III, стр. 1381. I. Hermann. *Zum Begriff ge en aphesei. «Chronique d'Égypte», 1955, XXX, p. 96.* Автор последней статьи, исходя из указанного факта, безуспешно пытается обосновать предположение, что термин «*ge en aphesei*» имел прежде всего фискальное значение и служил для обозначения земель, облагавшихся налогом.

<sup>17</sup> U. Wilcken. *Grundzüge und Chrestomathie der Papyrskunde*. I, S. 273—274.

<sup>18</sup> Вопрос об отношениях между царской администрацией и храмовыми хозяйствами исследуется в специальной монографии W. Otto. *Priester und Tempel im hellenistischen Ägyptus*. I—II. Leipzig, 1904—1908; ср. M. Rostowzew. *Studien zur Geschichte des römischen Kolonats*. Leipzig, 1910, S. 77.

<sup>19</sup> Не только система сборов, но также и организация земледельческого хозяйства и заредевавшая ею администрация, начиная с высшей должности двойкета в

Если термин «*georgoi basilikoi*» распространительно иногда применялся и в отношении лиц, не являвшихся непосредственными производителями, включая греков и македонян, то это обстоятельство не меняет основного значения самого термина, относившегося прежде всего к массе земледельческого населения — *laoi*<sup>20</sup>. Такие более крупные съемщики не обрабатывали получаемые ими участки самостоятельно, а пересдавали их мелким египетским земледельцам<sup>21</sup>.

Хотя отношения между земледельцами и царской администрацией и оформлялись договорами индивидуальными или коллективными, заключавшимися от имени группы земледельцев через их представителей (*presbyteroi*, *dekadarchoi*) или через деревенских старост (*komagchoi*)<sup>22</sup>, однако эти договоры не были свободными, и съемщики ни в какой мере не являлись самостоятельными свободными арендаторами. Земледельцы обычно получали от государства или от сдатчика семена для посева, средства производства, рабочий скот, иногда даже жилища<sup>23</sup>. Участки, сдававшиеся отдельным земледельцам, как правило, были невелики и не превышали 15—20 арур<sup>24</sup>. В течение всего времени производства сельскохозяйственных работ, начиная с определения и распределения посевных культур, производившихся государственными органами, и кончая представлением всего собранного урожая для выделения доли государства, все работы находились под постоянным наблюдением целой армии чиновников — номархов, топархов, комархов и специальных должностных лиц — экономов, антиграфеев, с диойкетом во главе<sup>25</sup>, контролировавших получение царской доли. Доля урожая, взимавшаяся государством, была очень велика и, не считая других налогов и возврата семенной ссуды, обычно достигала 30—40%: с урожая в 10—12 артаб с аруры государство взимало в среднем 4 артабы<sup>26</sup>. Размер взимавшейся доли урожая, естественно, изменялся в зависимости от качества почвы<sup>27</sup>.

В Птолемеевском Египте, находит себе почти полную аналогию с данными опубликованного недавно папируса Вильбура и, следовательно, восходит еще ко времени фараоновского Египта. Эту интересную параллель между содержанием папируса Вильбура и порядками птолемеевского Египта проводит Хейхельхейм (F. Heichelheim. Recent discoveries in ancient economic history. The Wilbour papyrus. «Historia», 1953, II, стр. 129—130). Главное отличие организации Египта при Птолемах он видит в ее большей рационализации. Причем, как и подобает настоящему буржуазному историку, он расценивает это различие как различие между «полупфеодальным планированием земледелия» в папирусе Вильбура и «рационализированной и капиталистической птолемеевской системой» (там же, стр. 134).

<sup>20</sup> См. M. Rostowzew. Studien zur Geschichte des römischen Kolonats, S. 63; А. Б. Ранович. Указ. соч., стр. 108.

<sup>21</sup> Пересдача крупными арендаторами царских земель мелкими участками, как мы видели по данным папируса Вильбура, была широко распространена еще в конце XIX династии и с тех пор удержалась до Птолемеев. По вполне понятным причинам такие сделки не фиксировались в специальных документах, и потому относительно практики пересдачи имеются лишь случайные упоминания (см. The Flinders Petrie papyrus (далее P. Petrie), I—III, 1891—1905, III, 95; ср. P. Tebt. I, 42; M. Rostowzew. Studien zur Geschichte des römischen Kolonats, S. 52).

<sup>22</sup> M. Rostowzew. Studien zur Geschichte des römischen Kolonats, S. 213—214; его же. A large estate, p. 76 и сл.; А. Świderek. Указ. соч., стр. 234.

<sup>23</sup> C. Præaux. Les grecs en Egypte d'après les archives de Zenon, p. 50 и сл.; А. Świderek. Указ. соч., стр. 234.

<sup>24</sup> А. Świderek. Там же, со ссылкой на W. L. Westermann. A lease from estate of Apollonios. «Memoirs of the American Academy in Rome», VI.

<sup>25</sup> Взаимоотношения царской администрации со съемщиками определялись специальным постановлением (см. В. P. Grenfell. Revenue laws of Ptolemy Philadelphus (далее Rev. laws), стб. 41—48 (1896); ср. хозяйственные распоряжения Зенона (PSI, №№ 429 и 430; M. Rostovtzeff. A large estate, p. 71). Земледельцы, работавшие в пожалованных поместьях (*dorea*), также не были свободны от контроля царских чиновников (M. Rostowzew. Studien zur Geschichte des römischen Kolonats, S. 78).

<sup>26</sup> А. Б. Ранович. Указ. соч., стр. 195, 196. Земледельцы, пришедшие с жалобой на злоупотребления чиновников, однако, не возражали против установленной договором нормы в одну треть урожая, см. PSI, № 502; M. Rostovtzeff. A large estate, p. 78, ср. стр. 76.

<sup>27</sup> В одном случае в *dorea* диойкета Аполлония с 1 аруры земли уплачивалось  $7\frac{1}{2}$  артаб из 10—12, получавшихся с аруры, то есть от 66 до 75% урожая.

Греческие и македонские клерухи нередко сдавали свои участки египетским земледельцам. Уход за виноградниками и садовыми насаждениями поручался или съемщикам или наемным садоводам, обычно грекам, как более опытным специалистам<sup>28</sup>.

Таким же способом в общем было организовано и животноводство. Стада овец и коз, принадлежавшие грекам, передавались пастухам из местного населения на условиях предоставления им определенного числа голов или на условиях найма<sup>29</sup>. Пастухи находились в не менее тяжелом положении, чем земледельческое население. Об этом свидетельствуют их постоянные жалобы на представителей администрации, а также случаи бегства и заключения в тюрьму<sup>30</sup>.

Египетских земледельцев, поставленных в столь стеснительные условия, нельзя рассматривать ни как «свободных съемщиков» (*freie Pächter*)<sup>31</sup>, ни как крепостных крестьян, поскольку последние пользовались известной хозяйственной самостоятельностью. В их положении можно видеть скорее переходную стадию: эллинистическая и в особенности римская эпохи в истории Египта были временем постепенного перехода к отношениям крепостнического типа, с одной стороны, постепенного падения авторитета государственной власти и вместе с тем развития частновладельческих элементов в землевладении за счет государственного землевладения — с другой. К развитию феодально-крепостнических отношений вело, таким образом, не проникновение в Египет форм античного рабства, а эволюция, происходившая в положении непосредственных производителей («царских земледельцев»), работавших на царских и частновладельческих землях.

Уже при Птолемах, согласно условиям договора (*cheirographia*) и присяге, приносимой съемщиком (*horikos basilikos*), последний на все время производства сельскохозяйственных работ до сдачи урожая обязывался не покидать места своего жительства и места работы и, в частности, не искать убежища в храме<sup>32</sup>. Если при первых Птолемах «царские земледельцы» еще пользовались известной свободой передвижения<sup>33</sup>, то впоследствии, начиная со второй половины II в. до н. э., в связи с ухудшением экономического и политического положения Египта эта свобода подверглась некоторым ограничениям. Вместе с тем впервые, по-видимому, начал применяться термин «*idia*», первоначально в значении места работы<sup>34</sup>. Дальнейшее стеснение свободы передвижения относится уже ко времени римского господства.

Тяжелое положение, в котором находилось земледельческое население Египта, вызвало растущий протест с его стороны, вылившийся с конца III в. в ряд волнений и открытых восстаний, носивших не столько этнический, как полагают буржуазные исследователи, сколько классовый характер. Именно греки прежде всего образовали господствующий не только политически, но и экономически класс, и из них же вербовались представители царской администрации. Уже при первых Птолемах вра-

W. L. Westermann — E. S. Hasenöhrli. I. Zenon Papyri, I, 1934 (далее P. col. Zen.), № 54; C. Préaux. Les grecs en Egypte d'après les archives de Zenon, p. 49.

<sup>28</sup> A. Świderek. Указ. соч., стр. 236, 247—248; M. Rostovtzeff. A large estate, p. 95—99.

<sup>29</sup> A. Świderek. Указ. соч., стр. 237—240; ср. ее же. La société grecque en Egypte au III siècle avant notre ère. «Journal of juristic papyrology», 1955—1956, IX—X, p. 378 и сл. В качестве пастухов нередко упоминаются арабы, поселившиеся в Египте, ср. M. Rostovtzeff. A large estate, p. 113 и сл., 179—180.

<sup>30</sup> A. Świderek. La société indigène, p. 238—239.

<sup>31</sup> M. Rostowzew. Studien zur Geschichte des römischen Kolonats, S. 75.  
<sup>32</sup> См. тексты демотического и греческого хейрографий птолемеевского времени. M. Rostowzew. Studien zur Geschichte des römischen Kolonats, S. 213—214; U. Wilcken. Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde, S. 275.

<sup>33</sup> M. Rostovtzeff. The social and economic history... I, p. 279; А. Б. Р а н о в и ч. Указ. соч., стр. 198—200.

<sup>34</sup> См. декрет Эвергета II от 118 г. до н. э. (P. Tebt. I, 5, стк. 219).

ждебное отношение к представителям администрации — грекам проявлялось в постоянных столкновениях и жалобах<sup>35</sup>. Чрезвычайно показательным, что в то время как в античном мире во II в. до н. э. прокатилась волна рабских восстаний, в Египте тот же век ознаменовался непрерывными восстаниями эксплуатируемых масс земледельческого населения.

В области добывающей и обрабатывающей промышленности все наиболее доходные статьи (в первую очередь изготовление растительных масел) составляли монополию государства. Весь урожай масличных растений с земель всех категорий по определенным расценкам поступал на государственные склады<sup>36</sup>. Правила, регулировавшие порядок осуществления государственной монополии на изготовление масла и сдачу государственных мастерских откупщикам, изложены в папирусе о доходах<sup>37</sup>. Характерно положение работников, занятых в этих мастерских: хотя они и получали плату по определенным расценкам, в остальном условия их жизни напоминали положение работников шумерских царских мастерских времени третьей династии Ура<sup>38</sup>. Набирались они из среды населения номов, и закреплялись за мастерской, и не имели права покинуть не только ее, но и пределы данного нома<sup>39</sup>. В случае ухода они подвергались аресту и насильственному возврату. За укрывательство их полагался очень высокий штраф (3 тыс. драхм за голову). Вместе с прочим инвентарем мастерской они передавались откупщикам, могли переводиться из одной мастерской в другую, обязывались выработать определенную норму, причем трудились под постоянным надзором и в присутствии откупщика мастерской и государственного контролера<sup>40</sup>.

В области ткацкой (прежде всего льноткацкой) промышленности монополизировано было не самое производство, а торговля тканями. Проведение монополизации самого производства затруднялось рассеянностью его по всей стране между мелкими крестьянскими хозяйствами<sup>41</sup>. Это не исключало, однако, существования царских и в особенности храмовых льноткацких мастерских, изделия которых точно так же, как и изделия частных производителей, поступали в распоряжение государства в порядке принудительной скупки<sup>42</sup>. И в проведении этой монополии Птолеми исходили также из дальнейшего развития порядков, существовавших в фараоновском Египте<sup>43</sup>. Так же был организован и сбыт кожи. Существовал специальный принадлежавший царю склад кож<sup>44</sup>. Предмет царской монополии составляли добыча соли, обработка папируса и ряд других отраслей добывающей и обрабатывающей промышленности<sup>45</sup>. Была

<sup>35</sup> См. А. Świderek. La société indigène, p. 261 и сл. Причины и характер обострения классовой борьбы освещены в статье Н. Н. Пикус. Из практики применения ериволе по письмам Герода. «Eos», XLVIII (1956), стр. 226 и сл.

<sup>36</sup> Значительный материал по этому вопросу собран в статье А. И. Павловской «Формы землевладения и организации земледелия на царских землях Египта в середине III в. до н. э.». «ВДИ», 1953, № 1, стр. 47 и сл.

<sup>37</sup> В. Р. Gtenfell and F. P. Mahaffy. Revenue laws (далее Rev. laws), p. 38—58.

<sup>38</sup> Там же, стб. 44, стк. 8—10, стб. 46, стк. 20.

<sup>39</sup> Там же, стб. 44, стк. 8—10.

<sup>40</sup> Там же, стб. 46, стк. 13—14.

<sup>41</sup> Факт существования небольших ткацких мастерских, обслуживаемых работниками-ткачихами, не играл сколько-нибудь значительной роли в хозяйственной жизни страны.

<sup>42</sup> Rev. laws, стб. 87, стк. 107. Cp. U. Wilcken. Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde. I, S. 245 и сл.; М. М. Хвостов. Очерки организации промышленности и торговли в греко-римском Египте. Казань. 1914, стр. 101 и сл., ср. стр. 116.

<sup>43</sup> М. М. Хвостов. Очерки организации промышленности и торговли в греко-римском Египте, стр. 115.

<sup>44</sup> P. Petrie, II, 32, 5; cp. U. Wilcken. Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde. I, S. 260.

<sup>45</sup> Перечень других монополизированных государством продуктов и изделий см. U. Wilcken. Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde. I, S. 249 и сл.; см. также данные см. С. Gréaux. L'économie royale des Lagides, p. 430 и сл.; H. Tizabenschlag. Указ. соч., стр. 666 и сл.

монополизирована и сдавалась на откуп деятельность банков трапезитов<sup>46</sup>. Наконец, и внешняя торговля сосредоточивалась преимущественно в руках государства, причем и в отношении ее нередко осуществлялся принцип государственной монополии. Так, например, предмет последней составляла продажа привозившихся с Востока пряностей и благовоний<sup>47</sup>.

Принцип монополизации был известен в греческих городах-государствах, однако применялся он отдельными городами редко и то лишь в случае особой финансовой нужды, и притом в отношении только отдельных доходных статей, чаще всего рыбной ловли, иногда банковского дела (в Византии); следует заметить, что монополизация нигде и никогда не касалась производства тех или иных изделий<sup>48</sup>. Хотя в странах древнего Востока в доэллинистическую эпоху принцип монополизации как таковой, по-видимому, столь последовательно, как в птолемеевском Египте, не проводился, — права государства осуществлялись на практике, но не были оформлены в качестве специальной монополии<sup>49</sup>. Однако даже если принцип монополизации и введен был в Египте Птолемеями, то в столь широких размерах и с такой последовательностью он мог применяться и проводиться только в условиях восточной деспотии.

Таковы были общая картина и основные черты экономики Египта в эллинистическую эпоху, воспроизводившие в основном систему хозяйственной организации, существовавшей здесь в предшествовавшие эпохи. Внося в эту систему элементы рационализации, Птолемеи проводили ее с еще большей последовательностью, чем это делалось до них.

Посмотрим теперь, в какой мере получили развитие в эллинистическом Египте античные формы рабовладения и какое влияние оказали они на хозяйственное развитие страны.

С иммиграцией греков и македонян число рабов, конечно, возросло: распространение рабства имело, однако, место прежде всего в самой эллинской среде; при этом рабы, принадлежавшие грекам, заняты были не столько производительной деятельностью, сколько домашним хозяйством<sup>50</sup>. Рабочую силу, занятую в частновладельческом, так же как в государственном хозяйстве, составляло, как показано было выше, прежде всего местное земледельческое население<sup>51</sup>.

В жалованных крупных поместьях, равно как и на наделах клерухов, рабский труд, по крайней мере при обработке полей, применялся редко<sup>52</sup>. К нему обращались при исключительных обстоятельствах, например, в случае ухода с поля под защиту храма обычных работников —

<sup>46</sup> Rev. laws., стб. 73—78.

<sup>47</sup> Свод данных см. М. М. Хвостов. История восточной торговли греко-римского Египта. Казань. 1907.

<sup>48</sup> Аристотель. Политика, I, 4, 6. Примеры применения принципа государственной монополизации почти исключительно второстепенными греческими городами см. G. Busolt. Griechische Staatskunde. I, München. 1920, S. 607—608.

<sup>49</sup> Высказывалось, впрочем, предположение, что в отношении проведения монополий Птолемеи следовали практике, существовавшей до них. См. М. Rostovtzeff. The social and economic history of the hellenistic World, III, стр. 1388, прим. 104; A. Andreades. De l'origine des monopoles ptolémaïques. Mélanges Maspero. II. 1934—1937, p. 289 и сл.

<sup>50</sup> Даже в таком эллинистическом центре, как Александрия! См., например, W. Schubart. Reallexikon für Antike und Christentum. T. I под словом «Alexandria», стр. 278.

<sup>51</sup> Показательно, что Швидерек в специальной статье, посвященной вопросу об источниках дохода и обогащения греков в Египте, приводит исключительно данные о сдаче земель, виноградников, скота съемщикам из среды прежде всего египетских земледельцев, но совершенно не упоминает о непосредственной эксплуатации всех этих доходных статей с помощью рабского труда (см. А. Šviderek. La société grecque; ср. также ее статью «La société indigène»).

<sup>52</sup> Свод данных об эксплуатации рабского труда в сельском хозяйстве с указанием литературы см. R. Taubenschlag. Указ. соч., стр. 78, прим. 49. В подтверждение «очень большого числа рабов в одном хозяйстве» А. Б. Ранович приводит несколько единичных примеров использования труда рабов в сельском хозяйстве (от 10 до 30 рабов на хозяйство) (А. Б. Ранович. Указ. соч., стр. 204). Данные

«царских земледельцев», — для очистки полей от зарослей и сорняков (см. сноску 52). Рабский труд в редких случаях применялся также на работах по орошению района Файюма наряду с трудом основной массы царских земледельцев<sup>53</sup>.

Известны факты существования небольших ткацких мастерских, обслуживаемых трудом рабынь и частью, может быть, рабов, как ткацкая мастерская Аполлония в Мемфисе<sup>54</sup>. Термины «paidaria» и «paidiskai», обозначавшие обычно (хотя не всегда) рабов и рабынь, нередко распространялись и на людей, занятых в ткацкой промышленности<sup>55</sup>. Однако применение рабского труда в ткацком деле было относительно редким и во всяком случае нетипичным для экономики птолемеевского Египта явлением. Преобладающей формой являлись домашнее ткачество в крестьянском хозяйстве или мелкие единоличные мастерские<sup>56</sup>.

Таким образом, мы видим, что даже в собственно эллинской среде применение рабского труда античного типа не получило широкого распространения. Тем меньше оно могло оказать какое-либо влияние на общую экономику страны<sup>57</sup>.

займствованы им у Ростовцева, однако без ссылки на какую-либо определенную работу. Сведения эти почерпнуты Ростовцевым из одного документа с записью расходов поместья Аполлония (P. Lond. inv. (обозначение инвентарных номеров Лондонского собрания папирусов), 2312; M. Rostovtzeff. A large estate, p. 177—178). Лица, использовавшие в этом случае труд рабов, были, однако, не крупными собственниками, ведущими самостоятельное хозяйство, но съемщиками более значительных участков в поместье Аполлония, причем в лице рабов они получали дополнительную рабочую силу. Следует заметить далее, что и эти рабы использовались для выполнения не основных работ по обработке земли, а лишь побочных, по очистке полей от зарослей и сорняков. Показательна статья Н. Н. Пикуса «Переломный момент в истории эллинистического Египта» («ВДИ», 1951, № 1, стр. 53—64). Содержание статьи составляет обзор восстаний, вспыхнувших в Египте в III в. до н. э. в результате жестокой эксплуатации и тяжелого положения основного земледельческого населения. Однако во введении к статье говорится о развитии в птолемеевском Египте античных форм рабства (стр. 54—55), хотя такое утверждение не только не связано с дальнейшим содержанием статьи, но, по существу, противоречит ему. Академик В. В. Струве («Проблема кризиса рабовладельческого строя и генезиса феодализма». «Вопросы истории», 1956, № 9, стр. 189—190), исходя из одностороннего понимания содержания известного письма Герода по поводу изданного перед этим в 164 г. указа (цитированного им по парижскому папирусу 63, в настоящее время обычно цитируют по UPZ, 110), подчеркивает особенно факт обеднения и разорения земледельческого населения. Отсюда автор делает вывод, что «лишь имущая часть их (то есть «лаои». — А. Т.) получала для обработки участки царской и прочей земли», которые и обрабатывала с помощью рабов (стр. 190). Подобное утверждение находится в прямом противоречии с фактом широкого распространения практики пересдачи крупными арендаторами полученных ими участков мелким, немущим съемщикам (hypomisthosis), о которой акад. В. В. Струве совершенно не упоминает. Самое предположение, что только имущие слои населения получали участки царской земли в обработку, опровергается как обычным фактом передачи съемщикам вместе с участком рабочего скота, орудий производства, семян, так и содержанием того же письма Герода. Составление письма и было вызвано именно неудачей попытки распространения принудительной аренды царских земель на более состоятельные слои населения. Таким образом, оно не только не свидетельствует о распространении в птолемеевском Египте рабовладения, но говорит о совершенно обратной тенденции, отличавшей птолемеевский Египет, например, от современной ему Италии: если обеднение и разорение земледельческого населения имело место в обоих случаях, то в Италии оно было вызвано распространением крупных рабовладельческих хозяйств, вытеснявших мелких земледельцев из производства; в Египте же разорение земледельческого населения обуславливалось именно прямой эксплуатацией этого населения.

<sup>53</sup> См. выше, сноску 10.

<sup>54</sup> M. Rostovtzeff. A large estate, p. 115 и сл.; Н. Н. Пикус. Paidiskai шерстокацкой мастерской Аполлония в Мемфисе. «ВДИ», 1952, № 1, стр. 84 и сл.

<sup>55</sup> M. Rostovtzeff. A large estate, p. 177.

<sup>56</sup> См. Н. Thierfelder. Zur sozialen Lage der Weber im ptolemäisch-römischen Ägypten. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». V (1957), Heft I, S. 121—123. Иногда в небольших хозяйствах нанимались за денежную или натуральную плату ткачихи (М. М. Хвостов. Очерки организации промышленности и торговли в греко-римском Египте, стр. 57 и сл., 85 и сл.), но были ли эти ткачихи рабынями или наемными работницами, неизвестно. Скорее можно предполагать последнее.

<sup>57</sup> Характерно, что сами греки, жившие в Египте, настолько освоились с существовавшими здесь до них порядками, что в отношении по крайней мере туземного

Говоря о возможностях распространения в птолемеевском Египте рабства античного типа, необходимо иметь в виду и то обстоятельство, что существенным препятствием для такого проникновения служила монополизация торговли различными промышленными изделиями в руках государства. Ведь именно производство для сбыта на рынке и составляло отличительную черту античного рабства.

Характернейшим для эллинистической эпохи моментом было широкое развитие международной торговли, причем именно Египту в этой торговле принадлежало одно из первых, если не первое место. Александрия являлась одним из крупнейших торговых центров того времени. Производство царских мастерских, равно как и монополизация других отраслей производства, рассчитано было в значительной мере на внешний рынок. Хотя это обстоятельство и имело своим последствием развитие товарного производства, тем не менее на формах эксплуатации оно, как мы видели, не отразилось.

Итак, в своей хозяйственной политике Птолеми в общем сохранили и частью даже развили порядки, существовавшие до них. Что касается собственно эллинских влияний, то, насколько можно судить по имеющемуся у нас материалу, они затрагивали в Египте лишь поверхностную сторону экономической и общественной жизни страны, не проникая вглубь и не оказывая заметного действия на устои хозяйственной жизни, в частности на характер рабовладения. Эллинское влияние не изменило характера экономического базиса. Напротив, экономическая политика Птолемеев, сохраняя и даже развивая далее замечавшиеся ранее тенденции экономического развития Египта, способствовала более быстрому их развитию и созреванию заключающихся в них противоречий. Эллинское влияние, несмотря на сохранение принципа верховной собственности царской власти на всю территорию страны, сказалось в некотором ускорении развития частновладельческих элементов<sup>58</sup>. В то же время более организованно и последовательно проводимая система эксплуатации населения способствовала скорейшему выявлению общественных противоречий, что привело к ожесточенной классовой борьбе, подрывавшей самые основы существовавшего здесь в течение тысячелетий экономического и государственного строя. Наибольшего развития и завершения эти новые тенденции достигли уже в римскую эпоху, однако начало их восходит еще к эллинистическому времени.

Столь же неглубоко было эллинское влияние и в области надстроечных явлений. Государственное управление сохранило форму восточной деспотии; Птолеми объявили себя наследниками власти фараонов и во многом сохранили обычаи, существовавшие при египетском дворе. В деле управления принцип строгой централизации проводился с не меньшей, если не с большею последовательностью. Система греческого полиса, хотя бы в форме подчиненного центральной власти самоуправляющегося

населения не проводили грани между рабами и свободными наемными работниками, обозначая тех и других одними и теми же терминами «soma», «paidarion», «paidiske». См., например, указатель к четвертому тому издания P. Cairo. Zen. 1931; C. Préaux. L'économie royale des Lagides, p. 303 и сл.; M. Rostovzeff. The economic and social history of the hellenistic World. III, p. 1393, прим. 119; R. Taubenschlag. Указ. соч., стр. 66—68; Fr. Preisigke. Wörterbuch der griechischen Papyrusurkunden mit Einschluss der griechischen Inschriften, Aufschriften, Ostraka, Mumienbilder hgg. von E. Kiesling. Heidelberg. 1925..., s.v.v.

<sup>58</sup> См. В. В. Струве. Право владения землями пахотной и виноградной в птолемеевском Египте. «Журнал Министерства народного просвещения», январь 1915 г., январь, июль—август 1917 г.; M. Rostovtzeff. Studien zur Geschichte des römischen Kolonats, S. 60 и сл.; его же. The social and economic history of the hellenistic World. II, p. 733, III, p. 1499, прим. 51; ср. I, стр. 290; U. Wilcken. Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde, S. 284 и сл. Птолеми не только не препятствовали а, напротив, в целях эмфитека поощряли распространение частного землевладения, см. M. Rostovtzeff. Studien zur Geschichte des römischen Kolonats, S. 61; его же. The social and economic history. I, p. 177; А. И. Павловская. Указ. соч., стр. 43 и сл.

органа, как это было в царстве Селевкидов, не привилась ни в эллинистическом, ни в римском Египте. Практика насаждения полисов греческого типа, получившая широкое распространение в областях Малой Азии, в птолемеевском Египте совершенно не применялась. Даже из трех существовавших в Египте греческих городов правом самоуправления по типу греческих полисов, как известно, пользовались только два — Навкратис и Птолемаида. Александрия в качестве царской резиденции, имевшая к тому же крайне пестрое и смешанное население, самоуправлением не пользовалась. При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что только в Навкратисе и в Птолемаиде греческое население в наибольшей чистоте сохранило свой характер; уже в Александрии наблюдалась необычайная пестрота населения по его этническому составу. В остальных местностях страны происходил процесс слияния и смешения греков и египтян, притом в общем, по-видимому, не в пользу греков, так что скорее можно говорить об египтизации эллинов, чем об эллинизации египтян<sup>59</sup>.

Для идеологии эллинистической эпохи характерен синкретизм — слияние восточной и эллинской культур с преобладанием, однако, также элементов не эллинской, а восточной культуры. Греческая литература переживала в это время период упадка. С падением города-государства иссяк тот живительный источник, из которого она черпала свою силу. Хотя Александрия и стала центром греческой литературы эллинистической эпохи, хотя в ее богатых библиотеках собраны и сохранялись классические произведения времени расцвета эллинского полиса, ничто уже не могло остановить начавшегося упадка литературы. Литература эллинистической эпохи носила подражательный характер, она утратила свойственную литературе классического периода глубину, отдавая предпочтение изощренности внешней формы. В то же время и ее распространение ограничивалось пределами собственно эллинской среды, притом узкого круга читателей, не оказывая, таким образом, влияния на туземное население. С упадком литературного творчества тем большее значение приобрела экзегетика — толкование произведений классической литературы и составление комментариев (схолий) к ней.

Философия также лишилась свободомыслия, характерного для философии классического периода, и, напротив, все более проникалась религиозными элементами, сближавшими ее с идеологией Востока. Учение Эпикура, продолжавшее материалистические тенденции греческой философии и сложившееся еще в последней четверти IV столетия, должно рассматриваться как заключительный этап развития классической философии. И не случайно, что в эллинистическую эпоху оно не пользовалось ни большим распространением, ни влиянием. Характерная для этой эпохи стоическая школа, напротив, все более уклонялась от решения собственно философских вопросов в сторону этических проблем и вместе с тем в сторону религиозного истолкования явлений, доходя при этом до принятия грубейших суеверий. Место широких философских систем заняла наука, не стремившаяся, однако, ни к каким обобщающим выводам и ограничивавшая свою задачу разработкой тех зачатков практических зна-

<sup>59</sup> См. U. Wilcken. *Hellenen und Barbaren*. «Neue Jahrbücher für klassische Altertum», 1906, S. 467; ср. его же. *Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde*. I, S. 23; H. I. Bell. *Egypt from Alexander the Great to the arab conquest*. Oxford. 1948, S. 41, ср. S. 38. Интересно, что на папирологическом конгрессе в Женеве в 1952 г., специально занимавшемся вопросом об оригинальности культуры Египта в условиях греко-римского мира, было установлено, что Египет и в этой области сохранил свою оригинальность и проявил большую сопротивляемость в отношении греко-римских влияний; см. «Museum helveticum», 1953, X, ср. «Die Akten des VIII internat. Kongresses für Papyrologie». Wien. 1955, 1956, S. 89 и сл. Вопрос о египетском влиянии на эллинистическую культуру рассматривается в специальной статье С. Gréauх. *Les égyptiens dans la civilisation hellénistique d'Égypte*, «Chronique d'Égypte», 1935, XVII, p. 148—160.

ний, какие возникли в странах древнего Востока,— геометрии, механики, астрономии, медицины. Но и эта единственная положительная сторона взаимопроникновения эллинской и восточной культур не оказала большого влияния на развитие восточной идеологии.

Рост и распространение религиозных тенденций и настроений особенно явственно и определенно сказывались в психологии широких масс. Именно начиная с эллинистической эпохи проникали в греческую, а затем и в римскую среду и получали там все большее распространение различные восточные религиозные учения, культы и суеверия.

Подводя итоги, мы можем констатировать, что, поскольку в эллинистическую эпоху имело место взаимное влияние и взаимопроникновение двух различных рабовладельческих систем и двух различных культур, уже в это время более значительную роль играли скорее восточные, нежели эллинские влияния.



И в эпоху Римской империи влияние античных форм рабовладения так же мало отражалось на судьбе и развитии стран речных культур, как и в эллинистическую эпоху. Что касается области южного Двуречья, то после падения царства Селевкидов Вавилония вскоре вошла в состав Парфянского царства, оказавшись вне зоны западных влияний<sup>60</sup>.

В Египте рабский труд античного типа и в римскую эпоху не получил широкого распространения<sup>61</sup>. Несколько шире, чем в области сельского хозяйства, рабский труд применялся в ремесленной промышленности. Однако и в этой области число рабов продолжало оставаться незначительным<sup>62</sup>.

Развитие экономики Египта и во времена римского господства продолжало совершаться по тем же двум основным линиям, которые намечались еще при Птолемах: с одной стороны, шло дальнейшее разложение системы государственного хозяйства и рост значения частновладельческого хозяйства; с другой, происходило прикрепление населения к месту жительства. Принцип верховной собственности государства на всю обрабатываемую территорию, так последовательно проводившийся еще в птолемеевскую эпоху, теперь проявлялся все менее определенно. Практика наделения клерами военных поселенцев совершенно прекратилась.

<sup>60</sup> Об общественных отношениях в области южного Двуречья в парфянскую эпоху можно судить на основании несколько односторонних данных вавилонской Гермары о жизни еврейского населения области. Здесь процесс феодализации совершался различными путями. Поскольку к этому времени получила распространение непосредственная обработка земли в крупных поместьях трудом рабов, изменился способ их эксплуатации: их прикрепляли к отдельным участкам. С другой стороны, имело место широкое распространение закабаления общинников в результате их задолженности. Наконец, феодализация происходила также путем закрепощения мелких арендаторов. Аренда, как мы знаем, представляла традиционный и распространенный способ эксплуатации земли еще во времена первой вавилонской династии (См. Ю. А. Солодухо. К вопросу о социальной структуре Ирака в III—V вв. н. э. «Ученые записки» Института востоковедения. Т. XIV. М. 1956, стр. 31—90; его же. Социально-экономическая структура еврейского общества Ирака и Сирии II—V вв. н. э. «Ученые записки» Ленинградского государственного университета. Серия исторических наук. Вып. 9. Л. 1941, стр. 49—62; его же. Концентрация земли и обезземеление мелких землевладельцев в Ираке во II—V вв. н. э. «ВДИ», 1947, № 2, стр. 40—51). Автор ошибочно относит начало практики сдачи земли в аренду мелкими участками к первому веку нашей эры.

<sup>61</sup> Еще во II в. н. э., то есть полтысячелетия спустя после завоевания Египта Александром Македонским, рабовладение античного типа не пустило здесь глубоких корней, и число рабов оставалось незначительным. Если в Пергаме во II в. н. э. рабы обоего пола составляли не менее одной трети всего населения, то одновременно в Египте во всех случаях, когда имеются сравнительные данные о численности населения, и в частности рабов, процент последних не превышает 6—7, уменьшаясь в отдельных случаях до 1½. W. Westermann. The slave system of greek and roman antiquity, p. 87, 120.

<sup>62</sup> Там же, стр. 150 и сл.

После римского завоевания земли большого числа клерухов были конфискованы; раздача новых клеров более не производилась; те же участки, которые сохранились от птолемеевского времени, постепенно превратились в полную частную собственность с правом наследования, раздела и пр.

«Царские земли» (*ge basilike*) на непосредственно орошаемой территории сохранились в качестве государственных земель. Но рядом с ними появилась общественная земля (*ge demosia*), происхождение которой, впрочем, не совсем ясно. В римскую эпоху наблюдался постепенный и все убыстрявшийся рост частного землевладения, первоначальное ядро которого составили земли, оставшиеся после массовой конфискации наделов клерухов при Августе за их прежними владельцами, но уже на правах полной и безусловной собственности. Дальнейшее расширение частной земельной собственности шло за счет государственных земель; часть государственных земель, менее пригодных к обработке, распродалась в частную собственность (*ge idioktetos*, *ge eonemene*) или сдавалась в аренду на условиях эфитевса, в период же общего кризиса империи передавалась в частные руки в качестве *epibole*. Если при Птолемах на все земли, находившиеся в частном пользовании и владении, сохранялось верховное право собственности, то теперь право государства сохранилось лишь на земли, сданные в эфитевс.

В I в. н. э. была сделана попытка образования на государственных землях крупных поместий (*usiai*), принадлежавших императору и членам его семьи, виднейшим сенаторам, императорским любимцам. Если эта практика не пережила времени Нерона, то впоследствии, с ростом и стабилизацией крупных земельных владений, термин «*usia*» стал применяться ко всем крупным частным владениям, обозначавшимся также «*ge usiake*»<sup>63</sup>.

С устранением царской власти Птолемеев вышел из употребления и термин «*georgoi basilikoï*» («царские земледельцы»). Он был заменен другим термином — «*georgoi demosioï*»<sup>64</sup>. С развитием собственности появился новый специальный термин для обозначения земледельцев, занятых в крупных поместьях, — «*georgoi usiakoï*»<sup>65</sup>. Самая система эксплуатации частных владений в основном не изменилась и так же, как прежде, на царских землях сводилась к сдаче отдельных участков мелким съемщикам (*misthotai*). При этом более крупные съемщики по-прежнему обрабатывали снятые ими земли не рабским трудом, а путем передачи их мелким съемщикам — (*hypomisthotai*)<sup>66</sup>. Не всегда, впрочем, последние получали свои участки от более крупных съемщиков, а нередко и непосредственно от государства; в таком случае *misthotai* выступали, по-видимому, в качестве ответственных лиц<sup>67</sup>. Если в отдельных случаях применялся также и труд рабов, то он имел лишь второстепенное значение.

Одновременно с развитием частного землевладения в римском Египте происходил процесс постепенного закрепощения населения путем при-

<sup>63</sup> Значение и судьба отдельных форм землевладения в эпоху римского господства обстоятельно прослежены в книге Ростовцева о колонате, стр. 89 и сл. См. также U. Wilcken. Grundzüge und Chrestomathie der Papyrskunde. I, S. 287f. Данные о роде частного землевладения см. H. I. Bell. Указ. соч., стр. 73—74.

<sup>64</sup> См. R. Taubenschlag. Указ. соч., стр. 8—9, изд. 2-е (1955 г.), стр. 566.

<sup>65</sup> F. G. Kenyon. Greek papyri in the British Museum. «Catalogue with texts», II (1898), стр. 30, стк. 53, 65 и сл.; ср. там же, стк. 60: *grammateus georgon usiakon*; U. Wilcken. Grundzüge und Chrestomathie der Papyrskunde, S. 279.

<sup>66</sup> Относительно практики передачи участков в римскую эпоху имеются несколько более определенных, но все же случайные (по тем же причинам, как и в эллинистическую эпоху) сведения. См. В. Р. Grenfell, A. S. Hunt. The Oxyrinchos papyri (далее Р. Оху), I—XXII (1898—1954), II, 368 (43—44 г.); G. Vitelli, D. Comperetti. Papii Fiorentini (далее: Р. Fior.), I—III (1906—1915), I, 18 (147—148 г.); ВГУ, II, 512, 19 и III, 1047, IV, 5, 17 (оба документа II в. н. э.); C. Wessely. Corpus papyrorum Raineri (далее CPR). Wien. 1895. I, 243, 8 и сл. 244, 5 (оба III в. н. э.).

<sup>67</sup> См. ВГУ, 1047, стб. IV, стк. 8 сл. .

крепления его к месту жительства. С подчинением эллинистического Египта Риму усилилась тяжесть эксплуатации, лежавшая на его населении. В результате возросшего гнета уже к середине I в. н. э. значительно увеличилось число случаев бегства земледельческого населения. Например, в области Филадельфии в бегах числилось до 10% населения, что не могло не отразиться на хозяйственной жизни страны<sup>68</sup>. Ответной мерой государственной власти было окончательное прикрепление земледельческого населения к месту жительства и работы. В 154 г. н. э. эдиктом префекта Семпрония Либералиса предписывалось всем беглым под страхом привлечения к суду префекта и наказания вернуться в свои *idia*<sup>69</sup>. Хотя непосредственным поводом к изданию эдикта и послужили какие-то внутренние волнения, однако он имеет в виду и людей, бежавших от выполнения непосильного труда<sup>70</sup>. В дальнейшем в качестве меры пресечения вводился арест членов семьи беглеца.

В византийскую эпоху, начиная с IV в. н. э., в связи с общим кризисом империи, ложившимся особенно тяжелым бременем на Египет, начался окончательный распад государственного хозяйства и наблюдался рост частных владений за счет государственных земель. Если вначале процесс перехода государственных земель в руки частных владельцев протекал свободно, то в дальнейшем он проводился в значительной мере в принудительном порядке в качестве *ἐπιβολή* с возложением ответственности за обработку полей и несение с них всех государственных податей и повинностей<sup>71</sup>. При таком переходе государственных земель к новым владельцам передавались вместе с землей и обрабатывавшие ее *georgoi demosioi* и *georgoi usiakoï*<sup>72</sup>. Характерно, что такая передача сопровождалась новым подтверждением прикрепления земледельцев к месту жительства (*idia*)<sup>73</sup>. Если в западных провинциях империи формирование колонатных отношений, предшествовавших здесь развитию крепостнических отношений, носило характер затяжного кризиса, продолжавшегося в течение многих столетий, то в странах Ближнего Востока такой переход к крепостническим отношениям совершился почти непосредственно.

В результате роста частновладельческой собственности и в особенности после введения системы *epibole* к началу византийской эпохи государственное землевладение в Египте почти совершенно растворилось в массе частных владений<sup>74</sup>. Окончательной феодализации препятствовал только гнет со стороны Римского государства, с особой тяжестью ложившийся именно на Египет как на главную житницу империи. Тяжесть эта одинаково давала себя чувствовать как низшему, производящему населению, так и землевладельческим верхам, поскольку последние несли ответственность за поступление налогов и выполнение повинностей. Уже в последние десятилетия V и в VI в. длительный процесс вызревания феодально-крепостнических отношений в рамках рабовладельческого Египта подходил, таким образом, к концу. В отличие от античных стран, где новый земледельческий класс — ядро будущего крепостного населения — еще

<sup>68</sup> H. I. Bell. The economic crisis in Egypt under Nero. «Journal of roman studies» XXVIII (1938), p. 1 и сл.; H. Braunert. Указ. соч., стр. 268 и сл.; Н. Ненне. Dokuments et travaux sur l'anachoresis. «Die Akten des VIII internationalen Kongresses der Papyrologie». Wien. 1955; Wien. 1956, S. 62.

<sup>69</sup> BGU, 378; U. Wilcken. Grundzüge und Chrestomathie der Papyrskunde, II, № 19.

<sup>70</sup> H. Braunert. Указ. соч., стр. 227 и сл.

<sup>71</sup> Попытки ввести *epibole*, то есть принудительное распределение земель между богатыми и состоятельными людьми, предпринимались еще в птолемеевскую эпоху, но тогда они не имели успеха. См. UPZ, 110; Н. Н. Пикус. Из практики применения *epibole*, стр. 226 и сл.; M. Rostowzew. Studien zur Geschichte des römischen Kolonats, S. 58; его же. The social and economic history. II, p. 717 и сл.

<sup>72</sup> U. Wilcken. Grundzüge und Chrestomathie der Papyrskunde. I, S. 318 и сл.

<sup>73</sup> Там же, стр. 324 и сл.

<sup>74</sup> См. H. I. Bell. Egypt from Alexander the Great to the arab Conquest, p. 79—80; его же. An epoch in the agrarian history of Egypt. «Recueil Champolion», 1922, p. 261—271.

должен был постепенно складываться из самых разнородных элементов, в Египте, где главным объектом эксплуатации с древнейших времен и до птолемеевской эпохи служило основное земледельческое население страны, изменялись лишь формы эксплуатации. В эпоху Древнего Царства работники царского хозяйства, как и хозяйства представителей придворной знати, эксплуатировались непосредственно в самом хозяйстве и находились на положении рабов. Ко времени Нового Царства положение непосредственных производителей в царском и храмовых хозяйствах значительно смягчилось. В большинстве своем это были сидевшие на земле и уплачивавшие часть урожая, хотя и часто отрываемые по произволу власти на различные сельскохозяйственные и другие работы земледельцы. «Царские земледельцы» птолемеевской эпохи — это, по-видимому, люди, самостоятельно ведшие хозяйство. Хотя их отношения с государственной властью и строились на договорных началах, свобода их деятельности, не говоря о получении семенной ссуды от государства, была до крайности стеснена постоянным вмешательством и контролем государственных чиновников. Только с распадом царского хозяйства и с превращением земледельцев из «царских» в «поместные» (*uziakoi*), с их окончательным прикреплением к месту жительства открылись более широкие перспективы для развития феодально-крепостнических отношений<sup>75</sup>. В книге Джонсона и Уэста о византийском Египте делается попытка представить положение в Египте VI в. в смягченном виде и изобразить происходивший там в это время социальный процесс как эмансипацию крепостных («сервов») и превращение начиная с IV в. бывших арендаторов государственных и царских земель в собственников<sup>76</sup>. В действительности, как признают и сами авторы книги, этот процесс, сопровождавшийся отдачей этих ново-явленных «собственников» под патронат крупных землевладельцев, был не чем иным, как переходом мелких земледельцев из-под зависимости от государственной власти в зависимость от крупных частных владельцев, то есть процессом возникновения феодально-крепостнических отношений в чистом виде<sup>77</sup>.

<sup>75</sup> H. I. Bell. *Egypt from Alexander the Great to the arab Conquest*, p. 96—97.

<sup>76</sup> A. Ch. Johnson, L. C. West. *Byzantine Egypt*. Princeton. 1947.

<sup>77</sup> В советской научной литературе имеется несколько статей, специально посвященных вопросу феодализации общественных отношений в восточных (византийских) провинциях: М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории восточной Римской империи V—VI вв. «Византийский сборник». М.-Л. 1945, стр. 12—95; Н. В. Пигулевская. К вопросу об общественных отношениях на Ближнем Востоке перед арабским завоеванием. «Вестник Ленинградского университета», 1948, № 4, стр. 66—77. В обеих статьях вопрос о феодализации общественных отношений в Византийской империи трактуется, однако, суммарно, без учета конкретных условий, существовавших в отдельных провинциях и областях. Так, в статье Левченко сведения относительно Египта приводятся наравне и вперемежку с данными, относящимися к Армении, Каппадокии, Сирии, несмотря на глубокие различия в экономике этих областей. То же следует заметить и относительно статьи Н. В. Пигулевской. Хотя ее статья и начинается с признания, что целью углубленного исследования является характеристика особенностей исторического развития в отдельных странах и государствах, своеобразие это констатируется, однако, лишь в отношении различия западной и восточной половин империи, сводится прежде всего к «уцелевшим остаткам торговли» в восточной половине империи (стр. 69). В то же время специфические черты в характере общественных отношений различных областей Византийской империи игнорируются так же, как и в статье М. В. Левченко. Более содержательны статьи тех же авторов, посвященные процессу феодализации в отдельных областях восточной империи. М. В. Левченко. К истории аграрных отношений в Византии VI—VII вв. (по документам византийского Египта). «Проблема истории докапиталистических обществ», 1935, № 1—2, стр. 75—110; Н. В. Пигулевская. Проблемы распада рабовладельческого общества и формирования феодальных отношений на Ближнем Востоке. «Вопросы истории», 1953, № 3, стр. 50—62, где рассматривается процесс феодализации в Иране и у арабов. Однако и в этих статьях авторы не отрицались вполне от игнорирования местных особенностей. В этом отношении характерно самое название статьи М. В. Левченко. В статье Н. В. Пигулевской на одну доску ставится зависимое положение египетских земледельцев, имеющее многотысячелетнюю историю и едва лишь нарождавшееся (с I в. н. э.) колонатные отношения западной империи (стр. 53).

Средством закабаления служила сдача крупными землевладельцами небольших земельных участков, часто с выдачей посевного зерна, которое должно было быть возвращено вместе с уплатой арендного взноса<sup>78</sup>. С течением времени условия сдачи земельного участка становились для съемщика все более обременительными. Так, сроки аренды, устанавливавшиеся первоначально (во II—III вв. н. э.) по соглашению (обычно краткие, часто годовичные), в дальнейшем, с византийской эпохи, ставились в зависимость от воли сдатчика<sup>79</sup>. Размеры обязательных взносов с течением времени также возрастали: с 3—4 артаб с аруры, что составляло около трети урожая во второй половине II в. н. э., до 5—6 артаб в III в. и до половины урожая начиная с IV в. нашей эры<sup>80</sup>. В текстах позднейших документов византийского времени предусматривались специальные меры против небрежной обработки снятого участка земли съемщиком<sup>81</sup>.

Характерную черту, отличавшую Египет, как и другие страны Ближнего Востока, от западных провинций империи, составлял факт сохранения земледельческих общин<sup>82</sup>. Вот почему взаимоотношения крупного владельца с зависимыми от него земледельцами не всегда устанавливались с отдельными крестьянами, но нередко с целыми зависимыми от него сельскими коллективами<sup>83</sup>.

Преобладающей системой эксплуатации во владениях крупных магнатов типа Апиона было получение ренты — оброка; барщина совершенно не применялась. Незначительная часть земель обрабатывалась непосредственно трудом рабов и наемных рабочих<sup>84</sup>.

Соответственно изменялось в то же время и положение самих крупных владельцев, которые присваивали себе не только большую часть земель, но и ряд государственных прав. В Оксиринхе от конца V и до VII столетия сохранился архив одной из таких землевладельческих семей, образовавшей настоящую династию и насчитывавшей за указанный период шесть следующих один за другим властителей<sup>85</sup>. Все они, начиная с родоначальника Апиона, жившего в конце V столетия, носили почетные титулы консулов и патрициев, обладали обширными территориями не толь-

<sup>78</sup> Много таких договорных документов о сдаче земельных участков приводится в издании папирусов Райнера. С. P. Ra i n. №№ 31, 34—38, 40, 42, 43, 45—47. Нередко в качестве сдатчика фигурирует одно и то же лицо (№№ 45 и 46). Там же перепечатаны изданные Ревиллу демотические тексты договоров, относящиеся еще к эллинистическому времени (стр. 172—175). Немало аналогичных документов помещено в Р. О х у, № 957 и сл. и рассеяно по другим изданиям. Большое число документов об аренде земель содержит также вышедшее в самое последнее время издание папирусов из собрания Михелидиса в Каире — Papyri Michaelidae, ed. by D. S. Crauford, Aberdeen, 1955, №№ 13, 14, 19, 22, 23, 24, 42b, 43, 46, 47, 48, 54, 59, 60. Издание это известно мне только по статье I. Н е г м а н н. Bemerkungen zu den misthosis-Urkunden der papyri Michaelidae. «Chronique d'Égypte», XXXII (1957), Janvier, p. 121—129.

<sup>79</sup> R. Таубеншлаг. Указ. соч., стр. 362; J. Н е г м а н н. Указ. соч., стр. 125 (под. № 42b).

<sup>80</sup> C. Vessely. Corpus papyrorum Raineri. I. Wien. 1895, S. 154.

<sup>81</sup> Michaelidae, №№ 46, 59 (приводится у J. Н е г м а н н'a. Указ. соч., стр. 127, 128).

<sup>82</sup> Относительно птолемеевского времени см., например, P. Petrie. III, 19, ср. 20: koinon ton basilikon (georgon). В римское время такое обозначение исчезло и сменилось указанием на собрание деревенских общин (to koinon tes komes, to koinon ton apo komes, to koinon ton georgon). CPR, 41, I, 26—27; P. Gen (J. Nicole. Les papyrus de Genève, I. 1896—1906). 63, II, 6 и 64,9; P. Thead (P. Jouguet. Papyrus de Theadelphia, 1911), 17, 2; P. О х у, 999; P. Lond. 113, 10—11 и др.; иногда общины сами сдавали общинные земельные участки (CPR, 41).

<sup>83</sup> См., например, CPR, 33 (запись поступлений сборов с georgoi demosioi) и относящийся к значительно более позднему времени (VI в.) документ (P. О х у, 1896), регулирующий взаимоотношения крупнейшего землевладельца в Египте того времени Флавия Апиона, одного из представителей известной династии Апионов (см. ниже), с крестьянами находившейся в зависимости от него общины.

<sup>84</sup> М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв., стр. 72—73.

<sup>85</sup> Документы, относящиеся к этому архиву, помещены в XVI томе собрания Оксиринхских папирусов.

ко в Оксиринхском номе, но и в других соседних с ним номах. Подобно другим таким же местным владельцам, они располагали собственными военными отрядами, составленными из наемных солдат (букеллариев), имели свою юрисдикцию и тюрьмы, почту и почтовые учреждения, содержали общественные бани и лечебные учреждения, свои банки и расчетные конторы, обладали собственной флотилией речных судов, окружали себя целой толпой чиновников, секретарей и сборщиков налогов; причитавшиеся с их территории сборы они вносили не в местные казначейства, а непосредственно в Александрию<sup>86</sup>. Управление во владениях этих представителей египетской знати строилось по аналогии с центральным управлением империи.

Все эти черты и особенно наличие элементов государственной власти сближают египетских владельцев с средневековыми феодалами. Здесь не существовало, однако, типичной для западноевропейского феодализма системы сеньюальной иерархии с обязательством военной службы вассала по отношению к сеньору. С другой стороны, владения египетской знати не представляли, как у средневековых феодалов, сплошной территории. Случалось даже, что владельцу принадлежала лишь часть деревни, остальная часть признавалась «свободной», то есть находилась в не меньшей, если не в большей зависимости уже от государственной власти<sup>87</sup>.

Арабское завоевание, освободившее Египет от гнета императорской власти, лишь завершило в стране образование феодально-крепостнического строя. Завершению процесса феодализации в Египте после арабского завоевания способствовало то обстоятельство, что общественная жизнь самих арабов в отличие от западных варваров в известной мере уже феодализировалась. «Зарождавшиеся феодальные отношения, которые несли арабы и которые они нашли на завоеванных ими территориях, развились при них»<sup>88</sup>.

<sup>86</sup> См. Н. I. Bell. *Egypt from Alexander the Great to the arab conquest*, p. 121—123, и специальную монографию E. R. Hardy. *Large estates of Byzantine Egypt*. New York. 1931; М. В. Левченко. К истории аграрных отношений в Византии VI—VII вв., стр. 84, 86—87; его же. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв., стр. 75.

<sup>87</sup> Н. I. Bell. *Egypt from Alexander the Great to the arab conquest*, p. 120 и сл.

<sup>88</sup> Н. В. Пигулевская. Проблема распада рабовладельческого общества и формирования феодальных отношений на Ближнем Востоке, стр. 62. Для сравнения можно указать на пример Ирана, который относительно мало был затронут влиянием античных форм рабовладения и в то же время в значительной степени сохранил строй земледельческой общины. Здесь уже в III—V вв. совершался непосредственный переход к феодализму. При этом наряду с сажанием на землю рабов гораздо большее значение имело «наступление на общину» и тенденция к закабалению земледельческого населения, жившего еще в условиях земледельческой общины (Н. В. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье, стр. 297). Одновременно широкое пространство получило условное землевладение с освобождением крупных жалованных земель от уплаты хараджа и с введением таким образом иммунитета крупных владений (Н. В. Пигулевская. К вопросу об общественных отношениях на Ближнем Востоке перед арабским завоеванием, стр. 80 и сл.; ее же. Города Ирана в раннем средневековье, стр. 212 и сл.). Процесс феодализации протекал в Иране в столь острых формах, что уже в V—VI вв. вызвал маздакистское движение, являвшееся по своему характеру и идеологии предшественником антифеодальных движений средневековой Европы (Н. В. Пигулевская. Маздакистское движение. «Известия» Академии наук СССР. Отделение истории и философии. 1944, № 4, стр. 171—181; ее же. Идея равенства в учении маздакитов. «Сборник к семидесятилетию академика В. П. Волгина». М. 1955, стр. 97—101; ее же. Города Ирана в раннем средневековье, стр. 279 и сл.). Еще более показательным представляется факт возникновения около того же времени ремесленных городов, приближавшихся к типу средневековых западноевропейских. Н. В. Пигулевская. К вопросу о городах Ирана в раннем средневековье. «Советское востоковедение», 1955, № 6, стр. 72 и сл.; ср. ее же. Иран в III веке нашей эры и возникновение городов. «Ученые записки» Ленинградского государственного университета. 1956, № 295, стр. 110—120, 122; ее же. Города Ирана в раннем средневековье, стр. 219 и сл.). К тому же времени складывается типичное для феодальной формации деление общества на три сословия — жречество, войны и земледельческое сословие, охватывавшее, подобно третьему сословию в За-

В иных условиях происходил процесс феодализации в западных провинциях империи. Здесь перерождение экономического базиса носило, как сказано, характер затяжного и крайне сложного процесса, протекавшего в форме сокращения непосредственной эксплуатации рабского труда в сельском хозяйстве, испомещения рабов на земле, сдачи небольших земельных участков съемщикам-колонам и последующего закабаления этих первоначально полусвободных съемщиков, отдачи мелких земельных собственников, стремившихся уйти от тяжелого гнета империи, под покровительство крупных землевладельцев и, наконец, путем поселения варваров на пустовавших землях<sup>89</sup>. В Италии еще в VI в. колонатные отношения далеко не сложились в единообразную систему, и в стране сохранились различные формы и виды зависимости сельского населения. При этом и рабство не было совсем изжито. Рабский труд применялся не только в форме закрепления за рабами земельных участков, но нередко и в форме непосредственной эксплуатации на сельских работах<sup>90</sup>.

Процесс феодализации, начавшийся почти с момента возникновения империи на Западе<sup>91</sup>, не был закончен и ко времени ее падения и был прерван германским завоеванием. «Германские варвары в награду за то, что освободили римлян от их собственного государства, отняли у них две трети всей земли и поделили ее между собой», в результате чего «между римским колониом и новым крепостным стоял свободный франкский крестьянин... Общественные классы IX столетия сформировались не в обстановке упадка гибнущей цивилизации, а в родовых муках новой цивилизации»<sup>92</sup>. Этот процесс закабаления свободного франкского крестьянина также занял не менее четырех столетий.

Выше уже отмечалось, что античное рабство заводило всю общественную жизнь в тупик, из которого не открывалось выхода, поскольку с кризисом и с исчезновением мелкого земледельческого хозяйства для перехода к высшей, феодально-крепостнической формации отсутствовала сколько-нибудь устойчивая основа. Поэтому, как показано было выше,

падной Европе, как земледельческое, так и торговое и ремесленное население городов (Н. В. Пигулевская. К вопросу о городах Ирана в раннем средневековье, стр. 76 и сл.), иногда, впрочем, выделявшееся в особое сословие (Н. В. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье, стр. 272 и сл.).

<sup>89</sup> Эти различные общественные элементы, из которых постепенно складывалось ядро будущего крепостного населения, отмечаются в статье Е. Э. Липшица. Проблема падения рабовладельческого строя («ВДИ», 1955, № 4, стр. 68—71). Следует заметить, однако, что автор, разделяя в этом отношении точку зрения Е. М. Штаерман, принимает зачатки крепостнических отношений за уже сложившийся и ставший «ведущим» общественный строй.

<sup>90</sup> См. Э. В. Удальцова. Сельское зависимое население Италии VI в. «ВДИ», 1955, № 3, стр. 85—116.

<sup>91</sup> В последние годы на страницах «Вестника древней истории» проводилась оживленная дискуссия по вопросу о процессе феодализации, происходившем в Римской империи. Были помещены статьи: Е. М. Штаерман (1953, № 2), А. П. Каждана (1953, № 3), А. Р. Корсунского (1954, № 2), С. И. Ковалева (1954, № 4), М. Я. Сюзюмова (1955, № 1), редакционная статья (1956, № 1); см. также А. Р. Корсунский. О колонах в Восточно-римской империи. «Византийский временник», IX (1956 г.) и статьи более специального характера: А. Г. Гемп. О трибутариях и инквилнах. «ВДИ», 1954, № 4; Г. Г. Дилигенский. К вопросу об аграрных патрониях в поздней Римской империи, «ВДИ», 1955, № 1. Не вдаваясь в оценку итогов этой дискуссии, можно отметить, что поскольку участники дискуссии подходили к проблеме с различных точек зрения, используя соответствующий материал, дискуссия во всяком случае показала, насколько затяжной, сложный, противоречивый характер носил процесс разложения античного рабовладения и вызревания новых экономических и общественных отношений — процесс, так и оставшийся незавершенным и прерванный варварским завоеванием. Характерно, однако, то, что, как ни расходятся в решении проблемы участвовавшие в дискуссии авторы, даже те из них, которые стояли на противоположных точках зрения, как, например, Е. М. Штаерман («ВДИ», 1953, № 2, стр. 73) и А. П. Каждана («ВДИ», 1953, № 3, стр. 100—101), одинаково считали необходимым отметить, что процесс развития новых общественных отношений происходил гораздо проще и непосредственнее в восточных провинциях, в частности прежде всего в Египте, где он облегчался зависимым положением населения.

<sup>92</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. I-я, стр. 127—128, 131.

античное рабство и не могло облегчить переход к феодальной формации в странах Востока. В этом отношении, напротив, характерно, что лишившаяся опоры в результате упадка и разложения античной рабовладельческой системы хозяйства и тщетно бившаяся в тисках кризиса империя с установлением домината усвоила многие черты и приемы управления, свойственные восточным монархиям<sup>93</sup>.

Закабаление государством всей массы населения с прикреплением к месту жительства, возросший гнет государственных налогов (по преимуществу натуральных) и повинностей с возложением ответственности за поступление поземельных сборов на крупных землевладельцев, а за исправное поступление налогов и за выполнение повинностей городским населением — на куриалов и декурионов, принудительное вхождение ремесленников в ремесленные коллегии и закрепление их в этих коллегиях, наконец, устройство императорских мастерских, основанных частью на рабском, частью на принудительном труде, — все это черты, напоминающие восточные порядки и ранее совершенно чуждые античности.

Не менее характерным представляется тот факт, что и в области идеологии в процессе взаимодействия западных и восточных культур окончательно взяли верх элементы восточной идеологии. Первые века империи были, как известно, временем религиозного синкретизма и борьбы на территории империи различных восточных религиозных систем. Борьба завершилась торжеством христианства, вобравшего в себя элементы различных религиозных систем Востока, а также наиболее реакционных философских систем Греции. Христианство не только получило широкое распространение в массах, но и было в конце концов признано государственной религией, поскольку в нем наиболее последовательно проводилось учение о божественном происхождении императорской власти и необходимости подчинения властям предрешающим. Победа христианства не была случайной и представляла вполне закономерное явление, поскольку с распространением зависимого положения на все население империи и в бывшем античном мире появилась необходимость наряду с непосредственным физическим и материальным принуждением также и в принуждении духовном, идеологическом. Точно так же закономерен был факт сохранения господства христианской религии и после установления феодально-крепостнического строя на все время существования феодализма. Безраздельное господство христианства в течение более чем тысячелетнего периода было обусловлено теми же причинами, что и господство религиозной идеологии в странах древнего Востока, поскольку за все время существования феодально-крепостнической формации непосредственным объектом эксплуатации служила зависимая масса населения, и поэтому не менее настоятельно чувствовалась необходимость в дополнении к непосредственному принуждению также и в принуждении идеологическом, роль которого и выполняла христианская церковь.



Сопоставление характеристики базиса и надстроечных явлений Египта и Двуречья, с одной стороны, и стран античной культуры, с другой, с наглядностью, по нашему мнению, показывает, что в истории древневос-

<sup>93</sup> Участники упомянутой выше дискуссии по-разному расценивали значение и роль империи в процессе «феодализации»: одни, как Е. М. Штаерман, видели в правлении Константина «оформление победы нового экономически господствующего класса крупных землевладельцев», другие (А. П. Каждан и др.), — напротив, проявление рабовладельческой реакции. Однако ни один из авторов, принимавших участие в дискуссии, не обратил внимания на тот показательный факт, что доминат Константина и его преемников, представлявший организацию государственной власти переходного периода, когда античное рабовладение переживало кризис и все более развивался процесс закрепощения и роста эксплуатации первоначально свободных колоннов, усвоил определенные черты восточного деспотизма как в своей экономической политике, так и в способах управления и даже во внешних формах придворного ритуала.

точных и античных рабовладельческих обществ мы имеем не две последовательные стадии развития рабовладения (как предполагается господствующей в советской науке концепцией), а два отличных один от другого типа рабовладельческих обществ. Особый характер базиса, именно факт самой широкой эксплуатации наряду с собственно рабским трудом также труда местного населения, обусловил собою не только иной характер надстроечных явлений (деспотический характер государства в качестве политической надстройки, господство религиозных учений в области идеологии), но и совершенно иной, отличный от античности путь развития. Если система рабства в чистом виде, существовавшая в античных странах, заводила всю их экономическую и общественную жизнь в тупик, из которого приходилось искать выхода различными путями, то на Востоке, в странах речных культур развитие происходило в направлении постепенного смягчения форм эксплуатации — от эксплуатации, ничем не отличавшейся от настоящего рабства, к более мягким формам передачи отдельных земельных участков зависимым съемщикам. Эта эволюция наблюдалась и в Двуречье и в Египте.

В эллинистическую и римскую эпохи продолжается, притом ускоренными темпами, процесс становления новых, феодально-крепостнических отношений.

Область Двуречья уже в доэллинистическую эпоху зашла на этом пути дальше Египта. В Египте же нарожение новых отношений выразилось, с одной стороны, в росте частного землевладения за счет государственного (процесс, принявший особо интенсивные формы в римскую эпоху) и вместе с тем в повышении авторитета крупных владельцев за счет государственной власти; с другой стороны — в убыстряющемся процессе прикрепления к земле и закрепощения зависимого земледельческого населения.